

завтра

АЛЕКСАНДР
ЗИНОВЬЕВ

Я МЕЧТАЮ О НОВОМ ЧЕЛОВЕКЕ

Сейчас страна находится в идеологическом хаосе. Нужен в первую очередь выход из него! Нужно понимание ситуации — беспощадное понимание. Сегодня должны созреть новые силы для сопротивления западнистской линии развития!

АЛГОРИТМ

Александр Александрович Зиновьев

Я мечтаю о новом человеке

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=16077372
Я мечтаю о новом человеке: Алгоритм; Москва; 2007
ISBN 978-5-9265-0304-0*

Аннотация

«Какими бы недостатками ни обладало советское руководство в Великой Отечественной войне, Сталин не был предателем. И мы все знали: в Москве, в Кремле, есть человек, который будет стоять до последнего.

Сейчас страна находится в идеологическом хаосе. Нужен в первую очередь выход из него! Нужно воспитание молодежи. Нужно понимание ситуации – беспощадное понимание. И вот когда будет в людях это нарастать, когда возникнет стремление жертвовать собою, только тогда и будет настоящее сопротивление.

...Сегодня должны созреть новые силы для сопротивления западнистской линии развития! У нас и на самом Западе».

Александр Зиновьев.

Книга, которую вы держите в руках, представляет собой сборник избранных интервью великого русского мыслителя Александра Александровича Зиновьева.

Содержание

Предисловие	5
Вне родины	8
Интервью длиною в десятки лет	8
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Александр Зиновьев

Я мечтаю о новом человеке

© Зиновьева О. М., 2007

© ООО «Алгоритм-Книга», 2007

* * *

Предисловие

Уважаемый читатель!

Книга, которую вы держите в руках, представляет собой сборник избранных интервью великого русского мыслителя Александра Александровича Зиновьева. Уточним сразу, что здесь, конечно, представлены далеко не все беседы (числом их больше тысячи) Александра Александровича с представителями средств массовой информации, как российских, так и международных. Если говорить о принципе подбора, то выглядит он так. У Александра Зиновьева были свои любимые журналисты и авторы, сотрудничество с которыми продолжалось годами, встречи с ними всегда носили творческий, динамичный характер, невзирая на возрастные и какие-то другие отличия. Их работы и вошли в настоящий сборник.

И мне бы хотелось, чтобы читатель понял, что не случайно этот сборник состоялся по принципу предпочтительности. Для меня самым высоким мерилom и образцом поведения всегда был и остается мой муж. Принцип прост и благороден – адекватность, паритетность и полное взаимное уважение «высоких договаривающихся сторон». Это касается, безусловно, и тех журналистов, которых Александр Александрович избирал в собеседники.

За авторством Александра Зиновьева вышло несколько десятков, а то и сотен художественных и научных работ, статей и монографий. Однако во всех этих случаях писатель вел с читателем диалог. Исследование проблемы Александр Зиновьев вел в режиме единого авторского начала, определяющего стиль, метод, лексику и специфику произведения, в котором он разворачивал концепцию своего научного понимания окружающей действительности.

Несколько иначе обстоит дело с интервью. Интервью есть диалог, который дает исключительную возможность побывать в лаборатории мысли при самой постановке эксперимента в режиме текущего времени, причем ты являешься соавтором этого эксперимента, он проходит не без твоего творческого участия. Привлекательность интервью еще в том, что оно таит в себе решения одновременной игры на ста досках. Осмысление результата, полученного по итогам общения с мыслителем такого масштаба, как Александр Зиновьев, дело непростое, особенно если помнить о высокой планке, задаваемой интервьюируемым.

Александр Александрович – особая фигура в этом плане. Для него никогда не существовало другой задачи в общении с людьми (независимо от общественной значимости, образования или профессионального уровня) как желание донести до собеседника истину. Поэтому Александр Зиновьев постоянно оттачивал и переосмыслил соответствующий смысловой инструментарий, который наиболее достоверно доносил бы содержание его высказываний. Для Александра Александровича важно было знать, что его поняли и поняли адекватно. Но вот с пониманием, однако, было сложнее. Порой простые, ясные идеи и высказывания наталкивались на какое-то твердокаменное невосприятие, априорное отталкивание по принципу «не читал и читать не собираюсь». Иногда применялся часто употребляемый дискуссионный метод «нет, но...», после чего шло повторение зиновьевских идей, но почему-то без соответствующих ссылок.

Кажущаяся простота ответов Александра Александровича иногда могла ввести человека в заблуждение. Но простота эта была верхушкой гигантского интеллектуального айсберга мыслителя, смыслом и содержанием жизни, ясно и четко сформулированной им же задачей – поиск истины и понимание во что бы то ни стало. Тут не могло быть и речи о каких-то компромиссах со временем или политической конъюнктурой. Александр Зиновьев ясен, прост, неумолим и категоричен в вопросах и таков же в ответах. Он не позволял себе высказываться двусмысленно или в сослагательном наклонении. Только человек с необычайно острым аналитическим умом мог сформулировать такие исчерпывающие

определения и образы, как «зияющие высоты», «гомо советикус», «катастрофка», «рогатый заяц» и другие, несть им числа.

Александр Александрович был блистательным оратором, во всех дискуссиях он привлекал к себе внимание и удерживал его голосом, мыслями, реакциями и неожиданными решениями. Эти его качества развертываются во всей диалектической последовательности и логической четкости по сотням и сотням интервью, данным им в течение последних 30 лет, начиная с конца 70-х годов прошлого века и до конца его жизни.

Сотрудничество Александра Зиновьева со средствами массовой информации можно разделить на два этапа – до и после выхода книги «Зияющие высоты» (1976 год). Если ранее Александр Александрович комментировал свои работы в области логики, то после выхода на Западе известного романа началась его активная публицистическая деятельность. Практически сразу же он столкнулся с профессионально подготовленными западными журналистами и, по понятным причинам, тенденциозно настроенной советской печатью. В тот момент общение с западной прессой стало для него средством выхода в мир, поскольку советская власть старалась свести до минимума контакты. И что больше всего поражает, в унисон с развязанной коммунистической прессой травлей занимался ряд эмигрантских газет и журналов.

Если говорить в целом, то в работе с представителями средств массовой информации Александр Александрович исходил из целевой ориентации издания, а также интеллектуальных способностей (или их отсутствия) тех людей, с кем ему предстояло работать в режиме интервью. Целью Александра Зиновьева было стремление донести до интервьюера по возможности с минимальными смысловыми потерями суть проблемы, идею. Поэтому он всегда задавал вопрос о времени, которым располагал, чтобы ответить на вопросы, интересовался объемом или хронометражем интервью. Барское отношение к своему и чужому времени для Александра Александровича было неприемлемо. Единственное, что он плохо переносил, это разговор «ни о чем». В ходе такого разговора ему быстро становилось скучно.

Так, как одна из характерных, вспоминается его реакция на очередное предложение одного назойливого телеведущего принять участие в его программе. Александр Александрович смутил того, когда оговаривали время записи, простым и недвусмысленным вопросом: «Сколько времени вы уделяете мне в эфире?» Ответ уставшего от многолетнего телевизионного марафона и избалованного медийной известностью журналиста в духе «вы говорите, а там видно будет» вызвал взрывную реакцию Александра Зиновьева, ненавидевшего неопределенности типа «подождите немного», «как получится», «нам еще самим не ясно». Александр Александрович свел разговор к концу одной-единственной чеканной фразой: «А вы разберитесь, потом уже и поговорим».

Александр Зиновьев относился к работе с журналистами профессионально. Ведь общение с ними давало ему, в том числе, возможность отточить какую-то формулировку, проверить на собеседнике новую идею. К интервью Александр Александрович готовился. Обговаривалась тема, какой-то вопросник, который нужен был скорее для журналиста, чем для самого Александра Зиновьева. Иногда я подбирала необходимые по тематике материалы. Одно всегда оставалось неизменным: сам Александр Александрович. Он огорчался, когда договоренность не соблюдалась (что, очевидно, ведущие программ или интервьюирующие сами аргументировали для себя скорее как «творческий беспорядок», «новаторство» или иногда, осознанно или нет, – как желание сбить Александра Зиновьева с его позиций, справедливости ради надо заметить, это не удалось никому и никогда).

Трудно утверждать, что он отдавал предпочтение какому-то одному виду средства массовой информации. Он видел определенную прелесть в прямом выступлении на радио или в телевизионной дискуссии, где его никто не правил и не резал. Вместе с тем Александр Зиновьев отдавал должное серьезным журналам и газетам, формат издания и личность журнали-

ста, конечно, тоже имели значение. Еще раз подчеркну, у него были свои любимые журналисты. Вспоминая опыт нашей жизни за границей, могу отметить высокую профессиональную подготовку французских и итальянских корреспондентов и обозревателей, которые приходили на интервью подготовленными; помимо того, они проявляли живой интерес к самому Александру Александровичу. Ну а с их российскими коллегами вы встретись в этом сборнике.

Что касается правки предварительного текста интервью, то Александр Зиновьев никогда ничего существенного в нем не менял. Он понимал, что далеко не во всех случаях ему удастся посмотреть текст до публикации (такие случаи бывали), поэтому он говорил каждый раз так, как будто бы находился в прямом эфире. Исправлению подвергались стилистические неточности, повторения или опечатки. Александр Зиновьев отзывался на просьбы об интервью вне зависимости от того, кто к нему обращался. Немногочисленные отказы были связаны с сугубо технической невозможностью принять человека. Единственный случай, когда он выгнал журналиста из дома, произошел в Мюнхене в 1994 году. Приехавший из Москвы корреспондент (корреспондент ли?) задавал вопросы, более подходящие для составления разведывательного отчета, нежели для открытой публикации, что возмутило Александра Александровича.

В любой теме он всегда видел небанальный, неожиданный ракурс, повергая наповал врагов и приятно удивляя друзей именно этой способностью блиц-анализа. Разговаривать с умной, серьезной, понимающей аудиторией было для него предельной радостью человеческого общения. Возрастной или статусный ценз не оказывал абсолютно никакого влияния на реакцию Александра Александровича. Конечно же, он предпочитал людей мудрых, умных и понимающих, но при этом проявлял прямо-таки ангельское терпение, когда объяснялся, порою буквально на пальцах, с теми, кто, не имея ни малейшего представления о теме, наивно пытался произвести впечатление на своего собеседника.

Однако в ряде случаев профессиональные поначалу отношения постепенно развивались в красивую, содержательную многолетнюю дружбу. Александр Александрович умел видеть и стимулировать в этих отношениях дальнейшее развитие личности, порой добиваясь максимального творческого ее раскрытия. Главным для него было – еще одна возможность объяснить свою позицию, воспользоваться очередной трибуной. Александр Зиновьев был в первую очередь учителем, что многое объясняет.

Этим, пожалуй, я и закончу краткое предисловие к книге, в которой встретились как раз те, кого я особенно хочу выделить и поблагодарить за великолепную творческую, высоко-профессиональную работу в одном строю с Александром Александровичем Зиновьевым – символом мудрости, честности и гражданственности.

*Ольга Зиновьева, директор
Исследовательского центра им. А. А. Зиновьева
Московского гуманитарного университета
Москва, 6 апреля 2007 г.*

Вне родины

Интервью длиною в десятки лет

С А. А. Зиновьевым беседует В. Большаков

Мы впервые встретились в Ницце осенью 1989 года. Шел созданный французскими правыми, а уж если быть точнее, очень правыми организациями, «международный конгресс по дезинформации». В зале было скучно, ораторы занудно пугали друг друга происками коммунизма. Я вышел в холл. И увидел Александра Зиновьева.

Я исподволь наблюдал за ним, размышляя: с кем он, этот человек? Как получилось, что такой крупный русский философ и писатель с явным талантом от Бога с нашими властями не поладил да и с Западом, судя по его выступлению, тоже не слился.

Вспомнилось, как он говорил в одном интервью: «Даже после того, как при Брежнев меня выслали из Советского Союза и я стал жить на Западе, мне не удалось вырваться из обстановки ложных слухов и клеветы. Меня зачисляли в антисемиты и сионисты, в русофобы и в русские шовинисты, в коммунисты и антикоммунисты... Я ни то ни другое и не прочее. Моя позиция такова: я – самостоятельное государство из одного человека, я никому не служу, не следую ни за кем...» Как узнаешь, чего больше было в этом заявлении – оборонительного высокомерия непонятого и оскорбленного интеллектуала или отчаяния от непонимания?

К моменту нашей встречи ему исполнилось 68 лет, из которых 12 лет он уже прожил на Западе, так ни разу и не вернувшись в СССР после изгнания. У него за спиной – помимо самого значительного его романа «Зияющие высоты» – десятки книг, сотни статей, выдающиеся научные работы по математической логике, философии, истории, социологии... Что-то там творится в этом государстве из одного человека? Как получить туда визу мне, корреспонденту «Правды»?

Я все же рискнул и представился ему. И с «визой» в один миг все решилось. Мы шли вдоль моря, и я с разрешения Зиновьева записывал наш разговор на пленку. Я сам не ожидал еще, что из этого когда-нибудь получится интервью, которое потом, во что по тем временам и поверить было невозможно, все же будет опубликовано в нашей супер-партийной газете. Но времена менялись. И Горбачев лично привел в «Правду» на пост главного редактора своего помощника Ивана Фролова, который был выписан Зиновьевым в «Зияющих высотах» под кличкой «Философ». «Философ» на этом интервью сидел недели две. Потом все же, спасибо ему, опубликовал.

Первое интервью, как первая любовь. С него протянулась между нами уже неразрывная ниточка...

– Александр Александрович, расскажите, как так получилось, что вы оказались здесь, на Западе? Все началось с «Зияющих высот»? Или раньше?

– Раньше. Я очень плодотворно работал в области логики. Мои книги издавались на Западе. По подсчетам некоторых социологов, я держал первое место среди советских философов по числу ссылок на мои работы на Западе. Я получал приглашения на все международные конгрессы, причем персональные. Но я никогда на них не ездил, меня не пускали.

Как я потом узнал, даже люди, довольно мне близкие, писали на меня доносы, утверждая, что я хочу остаться на Западе.

Кончилось тем, что я потерял студентов, аспирантов. Меня перестали печатать в Советском Союзе и допускать на научные конференции.

– *Чему были посвящены ваши исследования?*

– Я перестроил всю логику. Ну, в частности, я построил эмпирическую геометрию, в которой доказал постулат Евклида о параллельных. Потом я построил мою формальную арифметику и в ней доказал недоказуемость Великой теоремы Ферма. А это – проблема, которую не могли решить более 400 лет. Я ее решил. Я настаиваю на этом. И могу это доказать. Но все отмахиваются. Слишком много, считают, для одного человека. Это всегда вызывало раздражение...

– *Значит, главной движущей силой кампании против вас была зависть? Зависть ваших коллег?*

– Я не знаю. Они думали, может быть, что воюют за интересы науки. Я не хочу их судить. Но так получилось, что я оказался не у дел.

– *И тогда настала пора «Зияющих высот»?*

– Не сразу. В 1973 году я написал эссе о скульпторе Эрнсте Неизвестном. Потом отрывки из него я использовал в «Зияющих высотах».

– *Когда вы закончили над ними работу?*

– Я написал эту книгу за шесть месяцев с небольшими перерывами в 1974–1975 годах.

– *А как она попала на Запад?*

– По неосторожности ряда моих друзей в соответствующих органах узнали, что я что-то такое пишу, и за мной установили надзор. Время было тогда такое... не очень приятное. Писал я книгу быстро и по кускам отдавал ее моим друзьям, а они уже пересылали ее на Запад. Поначалу я печатать ее не собирался. Но в 1976 году мне сказали, что есть издатель, который хочет ее напечатать, и спросили, не буду ли я возражать. Мы с женой целую ночь не спали, думали, как быть, взвешивали все за и против.

Меня Ольга спросила тогда, смогу ли я спокойно жить, если книга останется ненапечатанной. Я сказал: нет, теперь я уже ею болен.

И еще спросила: считаю ли я, что нанесу своей стране ущерб этой книгой? Я сказал: нет, не считаю. Пройдут годы, и люди поймут, что это надо было сделать. Но я сказал все же: решай сама. И она сказала: «Будем печатать!»

– *Последнее слово осталось за женой?*

– Конечно. Жена и ребенок – это все так важно. Если бы меня арестовали, а Суслов, говорят, настаивал на этом, что с ними было бы? Сибирь!

– *И после этого все началось...*

– Да, после этого.

– *На Западе «Высоты» не восприняли как политический манифест. А на Родине?*

– Пожалуй, тоже нет. Скорее, как социологический анализ советской системы. А этим я занимался более тридцати лет. Лично для себя. Ну, например, один из героев «Зияющих высот» говорит в главе «На овощной базе»: «Если хотите понять коммунизм, то выясните, почему эта страна может производить самые совершенные космические корабли и атомные бомбы, но не способна производить мало-мальски приличную картошку». Вот я и объяснял, почему так получается.

– *Как конкретно произошла ваша высылка?*

– Мы жили после «Высот» без работы, без средств, продавали книги, вещи. Нам, правда, помогали. Например, Капица-старший, которому очень понравилась книга. Да и другие. Я подрабатывал, в том числе редактировал диссертации.

Ни о какой эмиграции тогда и речи не было. Но к 1978 году на Западе вышла моя вторая книга – «Светлое будущее», где прямо по имени был назван Брежнев. Ну и описан он был в довольно сатирическом виде. После этого, как мне говорили, для меня было приготовлено два сценария. Первый – посадить за антисоветскую деятельность на семь лет с последующей высылкой еще на пять. И второй – не поднимать лишний шум, а меня выслать. Короче

говоря, нам, в конце концов, предложили в течение пяти дней выехать из страны. В противном случае в ход пошел бы первый сценарий...

...Никогда не забуду день отъезда. Мы раздали оставшиеся вещи и отправились на аэродром. И все же до последней секунды я надеялся, что решение это отменят. Мне так не хотелось уезжать. В 56 лет! Ведь я не просто советский человек, я не боюсь этого слова, а суперсоветский человек. Я прожил жизнь вместе со всей советской историей и не собирался от нее отречься. Для меня покинуть страну было тяжелым наказанием. Если мне память не изменяет, при Ленине даже смертная казнь считалась более легким наказанием, чем высылка.

Мы ждали до последней минуты, что придут и скажут: «Оставайтесь, все отменяется!» Но никто не пришел. Мы оказались во Франкфурте, потом в Мюнхене. И началась жизнь на Западе. К здешней жизни мы привыкали трудно. Первые года четыре были почти что в шоковом состоянии...

* * *

– *Вы говорили как-то, что были и остаетесь коммунистом. Вас исключили из партии?*

– Да, исключили. Вернее, я сам ушел. По уставу все равно было положено исключать. Я вышел еще до публикации «Зияющих высот». Я просто пришел в партбюро и сказал: «Исключайте!» Не потому, что я считаю партию плохой, а потому, что я начал совершать поступки, несовместимые по тем временам с пребыванием в партии.

– *Между тем на Западе вас считают самым острым критиком коммунизма...*

– Но не антикоммунистом. Это нечто иное.

– *Может быть, вы критикуете не коммунизм, а общество, которое сложилось в нашей стране, да и не только в нашей, на базе неверно понятых коммунистических идеалов?*

– Я не рассматриваю это общество отступлением от идеалов. Я, как социолог, утверждаю, что другого и быть не могло. Это нормально. Это общество сложилось по законам организации масс людей в единое целое. Оно сложилось не на основе идей, а независимо от идей. Ленин говорил после революции, что марксизм поняло всего человек 50, да и то неправильно. Многие считают, что у большевиков был какой-то проект и по нему они делали наше общество. Но советское общество складывалось по законам, о которых ни Маркс, ни Энгельс, ни Ленин никогда не думали. Я думаю, что я был первым, кто начал эти законы абстрагировать. Так, когда вышла моя книга «Коммунизм как реальность», то такой крупный философ, как Раймон Арон, сказал, что это первая научная книга о коммунизме. За эту книгу я получил премию Токвиля.

– *Токвиль был блестящим сатириком...*

– Я люблю Токвиля, потому что сам по натуре сатирик. Это мое литературное амплуа, мое призвание. И это мало кому нравится. Ведь я не даю пощады ни друзьям, ни врагам. Ни консерваторам, ни реформаторам, ни оппозиционерам, ни защитникам власти. Это – закон жанра.

– *А может быть, вы, как сатирик, просто не воспринимаете власть как таковую?*

– Наоборот – приемлю. Для меня власть есть нормальное явление. Другое дело, что я не хочу принимать участия лично ни в какой власти. Это совсем другая позиция. Всегда, когда у меня возникал шанс сделать карьеру, я или сам отказывался, либо меня отбрасывали. Я не рожден для власти, а рожден для ее критики. Но критика власти – это еще не есть неприятие власти.

– *Зато почти всегда есть неприятие властью критика.*

– Верно. Возьмите все произведения Салтыкова-Щедрина, Достоевского, Грибоедова, А. К. Толстого. Вы не найдете ни одного крупного русского писателя, у которого не было бы критического отношения к власти. Но это вовсе не означает, что они все были анархистами. Достоевский, например, дружил с Победоносцевым. Салтыков-Щедрин был вице-губернатором, а потом в числе его знакомых были очень многие государственные деятели. Да даже Пушкин был придворным.

– *Да и Фонвизин переписывался с графом Паниным...*

– Не надо подгонять людей под какие-то штампы. Жизнь сложнее штампов. История нашей страны последних 70 лет показывает весьма убедительно, что не критика вредит обществу, а нетерпимость к ней. Нетерпимость – это наша беда.

Как только я сюда приехал, эмигрировавшие на Запад экс-диссиденты меня сразу стали учить: «Этому руки не подавай, с этим не здоровайся, там не печатайся». Если бы я последовал их советам, я бы здесь строчки не напечатал. Эта нетерпимость эмиграции по-своему отражала и нетерпимость в самом Советском Союзе.

– *Кривое зеркало?*

– Да. И в моих книгах, когда я осуществляю анализ коммунизма, я показываю, почему вырастает эта нетерпимость. В силу законов коммуналности. Существуют коммунальные отношения между людьми в больших коллективах. Это явление естественное. Но столь же естественной должна стать и борьба против этого. В конце концов, вся история цивилизации была историей ограничения стихии коммуналности.

* * *

– *Вы критик. Но вас воспринимают, скорее, как овода, а вашу миссию отнюдь не как лечебную. Часто говорят, как сегодня: вот Зиновьев все критикует, а что он предлагает, какие решения? И если вы ничего не предлагаете, то вас называют демагогом, критиканом, кем угодно. Как вы выходите из этого положения?*

– Никак. Я продолжаю идти своим путем. Я следую правилу, которое высказал Петрарка и повторил Маркс: иди своей дорогой, и пусть другие говорят что угодно.

– *А как это сказывается на вашей популярности?*

– Меня проблема популярности совершенно не волнует. Я непопулярен, я это знаю. Вспомните Лермонтова, когда он писал в предисловии к «Герою нашего времени», что общество нуждается в горьких лекарствах. Правда, здесь должна быть мера в дозах. У нас на Родине она сейчас, увы, нарушена.

– *Ваше лекарство горчит от желчи или от лечебного яда? И всем ли оно показано? Вот Горбачев, говорят, от прочтения «Катастройки» даже заболел.*

– Это, Владимир, закон жанра. Можете вы представить себе, что в щедринской истории Града Глупова вдруг появился бы параграф, в котором было бы написано: «Но, несмотря на это, надо отдать должное тому, что все-таки были в Глупове и хорошие губернаторы, которые делали то-то и то-то». Ведь в русской истории действительно были великие политические деятели и хорошие губернаторы. Цари даже были хорошие. Что касается «Катастройки», то она действительно стала бестселлером и пользуется огромным успехом, на что ни я, автор, когда писал ее, ни издатель не рассчитывали.

– *Кто-то написал, что «Катастройка» – это еще одна иллюстрация того, что «Октябрь 17-го был ошибкой», а все, что было потом, – «черным провалом». А вы сами как считаете?*

– Я вовсе не считаю, что в нашей истории было только плохое. Было и немало хорошего. Коммунизм относительно молод, 70 с немногим лет. Западная цивилизация существует много столетий. Мы с вами не можем предвидеть, что будет через 500–600 лет. Исто-

рическое время – это не жизнь отдельного поколения. Историческое время – это столетия и тысячелетия. К сожалению, за жизнь одного поколения мало что можно сделать. Я категорически протестую против того, чтобы нашу историю рассматривать как «черный провал. Я считаю, что это абсурд. Советская история – тяжелая, трагическая, страшная, но грандиозная. Не все в ней было злом. Были великие достижения. Люди еще не оценили их по достоинству, но это придет с годами.

* * *

– *Неужели вы и впрямь отождествляли себя хоть в какой-то мере с Homo Sovieticus, Александр Александрович? В это мало кто верит...*

– Это, в общем, нормально. Русские писатели-сатирики прошлого жесточайшим образом критиковали свою социальную среду. Но никто из них только на этом основании от Родины, да и от этой среды не отказывался. Я родился после революции и вырос в Советской России. Нас воспитывали на лучших идеалах коммунизма и лучших идеалах революции. Я получил в СССР образование, которым очень дорожу. В него вошло все лучшее, что создавало человечество в прошлом. Может быть, не во всем объеме. Но, по крайней мере, для нас отбиралось все лучшее. Это моя нормальная среда обитания. И я стал жесточайшим ее критиком именно в силу этого.

– *Все же что-то было отправной точкой. Чем был ваш протест обусловлен, вызван?*

– Мой протест выражал несоответствие между идеалами и реальностью. Я рано начал понимать, что реальность никогда не станет соответствовать провозглашенным идеалам общества. Тем не менее это все моя семья. Представьте, тьфу-тьфу, что у нас с вами дети родились бы с дефектами. Мы что, на этом основании выбросили бы их за дверь? Нет, конечно. Более того, наверное, стали бы еще сильнее их любить. И есть еще одна тонкость. Я очень рано понял, что я с такими идеалами и с таким мировоззрением мог появиться только в этом обществе. Моя жизнь была очень тяжелой. Но я не хотел бы поменять ее на другую, мою страшно трудную, кошмарную жизнь.

– *Ваша критика нашего общества никем не воспринималась как доброжелательная, а уж тем более как сыновняя. Она была уничтожающей, и во многом ее использовали те, кто вел психологическую войну против СССР, холодную войну. Ваши книги взяли на вооружение отнюдь не сторонники Советской власти. Вы создали образ жуткой страны, жуткого общества, которое может только заставить отшатнуться нормального человека. Именно такой образ и возникал у читателя ваших книг.*

– Это верно. Но не совсем. Поначалу на Западе не разобрались, что я такое, и приняли меня за обычного критика режима, за диссидента. Но буквально через несколько недель после моего появления на Западе я приобрел репутацию «агента Москвы». К счастью, мои книги использовали против нашей страны очень мало. Мне на Западе устроили своего рода бойкот. Я проскочил, меня проглядели, и я приобрел определенную репутацию и свой круг читателей, благодаря чему я до сих пор существую и могу что-то печатать.

Что же касается использования в эфире... Пару раз передали беседы со мной по «Свободе» и тут же прекратили. Та же самая история произошла с «Немецкой волной», с Би-би-си. Все радиостанции прекратили меня, как вы говорите, «использовать». Даже ссылки прекратили на меня. И мне сказали, что, когда составлялись списки книг, которые надо было засылать по соответствующим каналам в Советский Союз, сам Солженицын вычеркнул мое имя. В результате организации, засылавшие антисоветскую литературу в СССР, отказались покупать у издателей мои книги. И мне приходилось заниматься этой «засылкой» самому, тратя при этом немалые деньги. Причем приходилось мне платить не только за книги, но и оплачивать услуги своих «курьеров».

И это продолжалось даже в горбачевские годы. Когда у меня вышла книга «Евангелие для Ивана» (о пьянстве), горбачевцы сочли ее едва ли не самой вредной, и мне пришлось платить «верному человеку» за то, чтобы он провез несколько ее экземпляров моим знакомым в Москву. Он рисковал, конечно.

Что касается критики, то она доброжелательной не бывает. Есть критика идеологическая – такой была критика в работах диссидентов. И была такая критика, как у меня, внеидеологическая. Вот сейчас ситуация в России изменилась, и те мои книги, которые прежде объявляли антисоветскими и антикоммунистическими, теперь те же самые люди, те же «запретители» и «хранители основ», объявляют просоветскими и прокоммунистическими.

Я признаю, что сатира моя острая. А что, Щедрин писал менее хлестко? А что, Свифт щадил свою страну? А Бальзак? Я сейчас его перечитываю. Так у него такая критика, что действительно впору было из Франции бежать. А Толстой? Почитайте сейчас его книги. Я только теперь начал понимать, какая это бичующая сатира, почему Толстого предавали в России анафеме. И вот еще одна деталь. Когда я начал писать, я был уверен, что коммунизм пришел в Россию на века и что моя критика не поколеблет его нисколько. Если бы я знал, что это пойдет СССР во вред и тем более будет способствовать его гибели, я бы не написал ни строчки. Мое самолюбие было вполне удовлетворено моими открытиями в логике.

Кстати, когда я отправил рукопись «Зияющих высот» во Францию, я сказал, почему я это сделал – чтобы рукопись не пропала. Я сказал: «Если десять человек прочитают эту книгу, я буду счастлив». И действительно, книга-то на широкие массы не рассчитана. Она рассчитана на то, чтобы над ней думать, читая ее потихоньку. Как, впрочем, и все мои другие книги. Так что вот, если все эти обстоятельства учесть, с меня часть вины за ущерб, причиненный стране, можно снять.

– А вы не думаете, что с вами произошло нечто вроде «перехода в Зазеркалье». Объект вашей критики стал объектом вашей горячей любви. И наоборот. И хотя это нормально, потому что любовь и ненависть всегда рядом, все же остается вопрос: почему у вас как философа, логика, ученого энциклопедического кругозора появилось неприятие советского общества именно на том этапе, когда вы принялись писать «Зияющие высоты»?

– Во-первых, неприятие надо понимать только в том смысле, что существовавшая в СССР система не была реализацией моих идеалов. И это я понял еще в 1939 году. Я даже не рассчитывал тогда на то, чтобы выжить, уж не говоря о литературной деятельности. «Зияющие высоты» в какой-то мере появились случайно. Я был целиком и полностью погружен в науку, был одержим ею, логикой, математикой и нелегально занимался социологическими исследованиями. И если бы меня спросили, что есть моя главная страсть, я бы ответил тогда: «Логика и социология». «Высоты» получились произвольно. Я писал отдельные куски без всякого заранее выработанного плана. Но, поскольку на меня, едва я только начал писать, мой ближайший друг донес в КГБ, за мной установили надзор и мне приходилось написанное прятать.

Я смолodu обнаружил в себе способность «хохмить», развлекать людей не столько даже бытовыми анекдотами, сколько политическими. Объектом моих шуточек была наша социальная среда. Я не собирался против нее бороться, когда писал «Высоты». Я еще в 1939 году принял решение принимать это общество таким, как есть. У меня сложился просто определенный менталитет, выработался свой голос. И, когда я начал писать, то я просто по другому «петь» уже не мог.

Конфликт между идеалами и реальностью произошел у меня еще в школьные годы. Я вырос как идеальный коммунист. Или, как говорили, «настоящий коммунист». Не в смысле «член партии, делающий карьеру», а как мы понимали, что такое Коммунист с большой буквы. Каким был Павка Корчагин и другие герои Гражданской войны. Таким был мой

дядя, герой штурма Перекопа, известный большевик, член ЦК Михаил Маев. Он для меня был прообразом настоящего коммуниста. Ходил в шинели, отказывался от квартир и закрытых распределителей. Как говорил Маяковский, «кроме свежeweымытой сорочки, мне ничего не надо». Бескорыстное служение своему обществу, своим товарищам, своему коллективу, всей Родине – это был мой принцип. Вот во время войны, если надо было прикрыть отступление товарищей, я выходил добровольцем. Но при этом предполагалось, что и другие будут поступать точно также. Будут такими же. Увы, это был расчет наивный...

Еще мальчишкой, в 15–16 лет, когда я уже хорошо для своего возраста знал марксистскую литературу, я пришел к выводу, что если все люди будут настоящими коммунистами, жизнь будет справедливой, чистой, честной. А в реальности, увы, ничего подобного не было. В реальности люди хапали, воровали, доносили друг на друга. То есть происходило нечто прямо противоположное. Вот в чем дело.

– Да, так было. Но одни воспринимали это нормально. Другие так или иначе это осуждали и протестовали против этого. Третьи воспринимали это как данность, возмущаясь про себя, старались сами не запачкаться, никоим другим образом против подобной практики тотального подонкизма не протестуя. На каком этапе вы пришли к активному неприятию такой действительности?

– В 1939 году меня исключили из института, обследовали в психиатрическом диспансере и отправили на Лубянку. Тогда я понял: такого идеального общества, о котором я мечтал, нет и не будет никогда. И принял решение: «Я принимаю советское общество таким, как оно есть, и ставлю задачу: делать идеальное общество из одного себя». Я решил стать сам таким, чтобы соответствовать своему идеалу. И я начал свой эксперимент. И вся моя жизнь была таким экспериментом. Но это не неприятие реальности. Наоборот, я ее принял и сейчас принимаю.

Потом прошла целая долгая жизнь. И я не предполагал, что так долго проживу. Внутри где-то вызревало, принимая литературные и научные формы, понимание этой реальности, совсем другого рода понимание. Я нелегально строил социологическую теорию советского общества и разрабатывал для нее математический аппарат.

– В чем суть вашей теории? Что такое коммунистическое общество? Улей, муравейник, термитник?

– Улей – это частный случай социального объединения. Человеческое общество гораздо сложнее, грандиознее. Его структура дифференцирования куда сложнее. И формы, с помощью которых надо описывать это общество, требуют такого математического аппарата, которого пока официально не существует. А я рассматривал человеческое общество, отвлекаясь от того, что человек имеет какой-то свой внутренний мир. Я исходил только из того, что человек имеет тело и мозг. Мозг – орган расчета и управления. А этот орган управления подчиняется определенным правилам. Это предпосылки моей теории, которая легла и в основу «Высот». Многие критики полагают, что я ходил и подсматривал, подслушивал, записывал все, что в нашем обществе происходило. И так получились «Высоты», потом другие книги. Ничего подобного. Я вычислил это общество.

Весь мой Ибанск – это город, который я извлек из своей головы, руководствуясь определенными логическими правилами. В «Высотах» есть такой пассаж: «Ибанск выдумал Шизофреник в пьяном виде...» и т. д. Примерно так это и происходило. В значительной мере книга автобиографическая. Я этот город выдумал, но выдумка опиралась на определенные познания реальности.

– С одной стороны, был подход социологический. С другой – биологический. Вот вы рассматриваете человека, как робота фактически, – тело и голова, центр расчета и ориентации. Ну а как же духовность?

– Как понимать духовность? В том смысле, как вы понимаете, мы, конечно, бездуховные. Но это не значит, что само общество бездуховное. Но в Ибанске – да. Духовности там нет. Ее не было в предпосылках. Я намеренно это исключил. (Это фантастика, но в октябре 1994 года в репортаже из бездуховного купленного аферистом Мавроди города Мытищи американская журналистка писала: «Мытищи напоминают один к одному Ибанск, описанный Зиновьевым в его «Зияющих высотах»!»)

– *А почему? Без этого же нет и не может быть России?!*

– Для того чтобы построить теорию, нужно производить упрощения. Если упрощения не произведешь, ни одного шага вперед не сделаешь. Я много лет изучал советское общество, используя свою систему упрощений. Я вместе со своими некоторыми студентами строил логико-математические модели этого общества. Ну, например, для того чтобы выяснить, возможны кризисы в советском обществе или нет. Официально считалось, что общество это бескризисное. Я строил модель, в рамках которой и доказывал, как теорему, что кризисы неизбежны. Возникновение экстремальных ситуаций неизбежно, ибо развитие общества идет не по прямой линии, а напоминает кардиограмму, где есть взлеты, падения. Но для того чтобы все это доказать, надо многое исключить. В том, что касается общества, то человека приходится сводить к такому существу, у которого есть тело и органы управления. Органы управления должны производить определенные действия, чтобы тело сохранялось.

– *Но это – схема?*

– Да. Еще студентом я писал работу о «Капитале» Маркса. Моя работа называлась «Метод восхождения от абстрактного к конкретному». Я в моей социологической теории до сих пор применяю этот метод. В «Высотах» я такого сделать не смог. Я решил, что новые аспекты буду рассматривать в других книгах. Я начал книгу «В преддверии рая». Там я уже разбирал проблемы идеологии, религии. В «Высотах» этого не было.

– *Иначе говоря, после «Высот» вы приступили к созданию целой серии книг, идя от самого простого, абстрактного, как в «Высотах», к конкретному описанию все новых и новых аспектов коммунистической, советской реальности. Так?*

– Да. Так появились и «Желтый дом», и «Светлое будущее», и другие книги. Но я эту серию не довел до конца по той самой простой причине, что с 1985 года в стране стали происходить известные всем события. И мое внимание отвлеклось, переключилось на исследование кризиса коммунизма и его распада. Если бы этого не произошло, я бы продолжил работать над этой задуманной мной серией, постепенно – и здесь вы правы – расширяя круг исследования реалий коммунизма. Со временем я, быть может, опубликую те материалы, которые у меня были заготовлены для всей серии.

– *Они как-то использовались?*

– Да. Например, книга «Смута», которая вышла на французском языке, была написана еще до 1985 года. А затем мне пришлось дописать вторую часть, и получилась совершенно другая книга. Я готовил книгу о советских партийных работниках, но ее теперь придется перерабатывать с учетом эволюции таких оборотней, как Яковлев, Горбачев, Шеварднадзе и прочие. Сначала я задумывал эту книгу как конкретное описание аппарата власти, а теперь она у меня превращается в книгу «Откуда появились Яковлевы и Горбачевы». Жизнь коротка, так что я вряд ли смогу выполнить все задуманное. На полдороге остановился.

– *Как вам удастся укладывать логическую схему в литературу?*

– Думаю, что целиком она не укладывается. Наверное, я начал создавать особый жанр, который я называю «социологическим романом». Моя логическая теория пересекается с тем, что я делаю в литературе. Не все можно включить в литературу и не все в литературе можно свести к логической схеме. Ну, например, нельзя к такой схеме свести юмор, шутки, анекдоты.

Когда я начинал писать, у меня превалировал логический подход. Но постепенно материал овладевал мной, и я непроизвольно начинал подчиняться материалу. Далеко не всегда удается написать книгу так, как она первоначально задумана, даже профессиональному логику. Даже концовка иной раз совершенно неожиданно, сама по себе, выскакивает – и такая, какую совсем не ожидал.

– *Иначе говоря, логическую схему заменил парадокс?*

– Парадокс, метафора, шутка, гротеск. И не то чтобы заменил – скорее, оттеснил.

– *После августа 1991-го вы не раз выступали за воссоздание в России коммунистического общества. Почему?*

– Я защищаю не само это общество, а правду о нем. А в современной пропаганде России и других стран СНГ, и уж тем более в западной, это общество изображается в жутко извращенном виде. Как сторонник научного подхода я прежде всего отмечаю это идеологическое извращение. Как ученый я не лишен тщеславия. Я хочу делать открытия. И описывать общества адекватно истине. Нравится мне это общество или нет – это второстепенно. А воспринимают этот подход, однако, так, будто я коммунистическое общество защищаю.

– *Вольно или невольно?*

– Объективно. Как бы то ни было, но это было общество поголовной грамотности. В нем минимальные потребности людей удовлетворялись, люди имели работу, гарантированное медицинское обслуживание – плохое оно или нет, другой вопрос, и т. д. Любые антисоветские идеологи воспринимают сам факт упоминания всего этого как апологетику коммунизма. Но это – всего лишь реальность. Второй аспект. Я не могу сказать, что я абсолютно равнодушен к этому обществу. У меня есть свои пристрастия, симпатии и антипатии. Я – продукт этого общества, человек советский, происходящий из этого советского общества. Заявлять это сейчас и в России, и тем более здесь, на Западе, означает вызывать на себя огонь.

– *По-своему повторилась ваша история с выездом на Запад. Ведь в России сторонники демократов тоже попытались поначалу взять вас в свои союзники.*

– Да, все приезжавшие ко мне в Мюнхен люди изображали из себя борцов с режимом, утверждали, будто они с этим обществом ничего не имеют общего. А я говорю: это мое общество, и я продукт этого общества. Если бы я не написал «Высоты», меня бы оттуда никто не выгнал, а сам бы я не уехал.

Я пришел к выводу, что для России существовавший до 1985 года строй был спасением, был рывком вперед, и с любым другим социальным строем Россия погибла бы. Но, защищая этот строй, я вовсе не идеализирую его. Я могу ошибаться. Но считаю, что Россия может устоять как великая страна, а русский народ может уцелеть как великий народ только с такой социальной системой. С любой другой он будет разгромлен.

Если бы началась сегодня гражданская война, и с одной стороны были бы те, кто воевал бы за результаты Октябрьской революции и достижения Советского периода, а с другой – их противники, я стал бы воевать на стороне первых.

Я для себя решил эту проблему еще во время войны с Германией. Будучи антисталинистом, я даже вел антисталинистскую пропаганду. Но если бы во время войны мне пришлось пожертвовать своей жизнью, чтобы спасти Сталина как Верховного главнокомандующего, я без колебаний пошел бы на это. Нечто подобное я и делал в качестве солдата и офицера Красной Армии.

* * *

Весной 1993-го Зиновьев приехал в Париж ненадолго и забежал ко мне на часок, а проговорили мы полдня. Я только успевал в магнитофоне менять пленки.

Вот первое, с чего он начал:

– В отличие от марксистов, которые считают, что новое коммунистическое общество не вызревает до революции, я считаю, что советское общество было продолжением того, которое было до революции.

– *Это, пожалуй, самое убедительное доказательство того, что вы, Александр Александрович, – не марксист. И все же, каковы доказательства?*

– Я брал свою родную местность, свой район. Вся революция у нас выразилась в том, что взяли и сняли одни вывески, а затем повесили другие. Ну, был у нас один капиталист, он уехал в Париж. Был помещик, так он тоже куда-то испарился. А все остальное осталось нетронутым. Вместо полиции получилась милиция. Вместо городского головы – горсовет образовался. И все осталось даже в тех же самых помещениях. Изменились только бланки да печати.

– *То есть чиновничество осталось, просто сменило мундиры с фуражками с царскими орлами в кокардах на гимнастерки и красноезвездные буденовки. Так, что ли?*

– Практически. Революция и гражданская война – это ведь не только штурм Зимнего, не только Чапаев, который размахивал шашкой, или Буденный. Нужна еще и контора, для того чтобы Чапаев шашкой размахивал. Нужно документы оформлять, распределять те же самые шашки, обозы, еду. Без этого не обойдешься. Бюрократический аппарат неистребим. Он существовал и будет существовать всегда. Без него не проживешь. А это уже все было и до революции. Маркс считал, что государство в конечном счете отомрет. Я сказал: нет, не отомрет. Общество без государства немыслимо.

– *Думаю, что Маркс говорил об этом, заглядывая на многие сотни лет вперед. Говоря об общественном самоуправлении, он подчеркивал необходимость выработки у людей привычки действовать в соответствии с общественным интересом, а не тянуть одеяло только на себя. В России эта задача тем более затруднена. Ее решение потребует, возможно, еще одного тысячелетия, так как у нас нет той двухтысячелетней и более традиции западноевропейского законопослушания. Поэтому в России и марксизм был вынужден пройти своего рода русификацию. Иначе бы он здесь не прижился.*

– Верно. Из каких феноменов вырастал коммунизм в России? Если почитать труды Герцена, идеологов народничества, книги Михайловского, найдешь массу идей, которые классический марксизм в себя не включал или исключал все это как вздорное, тем более что в западную социологию, на которую марксизм ориентировался, эти идеи не входили.

– *В результате получилась особая модель, которая не столько соответствовала марксизму, сколько русскому национальному характеру. То, что вы называете не коммунизмом, а коммунальностью. А могло ли появиться в России нечто другое? Ведь был же заговор декабристов, были петрашевцы, был Герцен, Чаадаев, которые четко ориентировались на Францию после штурма Бастилии. Была, наконец, самая серьезная в нашей истории попытка превратить Россию в парламентскую республику европейского типа – Февральская революция 1917 года. Ведь могла же Россия пойти по западному пути, по французскому, например?*

– Могла. Но тогда бы она не выжила. Она была бы раздроблена, ее просто растащили бы на куски, которые превратились бы в колонии западных стран. Сейчас и стремятся сделать именно это «другое». А этот западный путь для России – гибель. Почему я пришел к такому выводу? Я принял во внимание всю совокупность факторов. Не просто проанализировав демократию или механику рынка. Все это – пустые слова. Я принял во внимание историю России, ее историческую традицию, размеры страны и ее взаимоотношения с другими странами, характер населяющих ее народов, то, какие возможности у них имеются, ситуацию на Западе и существующие там намерения в отношении России. Причем не субъективные какие-то настроения, а то, в чем Запад нуждается, что хочет от России получить. Вот, исходя из этой совокупности факторов, я и пришел к выводу, что если Россия хочет выжить

как великая, независимая страна, то у нее других путей, кроме коммунизма, и именно в его российском варианте, не существует.

– Знаете, мне ваша аргументация странным образом напоминает доказательства монархистов, которые оперировали после революции теми же самыми аргументами, что и вы, доказывая только, что иного пути, кроме монархии, у России, если она хочет остаться великой державой, нет. Хотя – не парадокс ли это? – сами представители дома Романовых, например, мой большой друг князь Михаил Федорович, решительно против восстановления монархии в России, по крайней мере в наше время, т. к. русский народ к этому не готов. А вот наши доморожденные роялисты говорят, что монархия – единственная форма государственного устройства России, отвечающая национальному характеру не только русского, но и всех населяющих ее народов. И у них аргументов немало. Уже к началу XX века, напоминают они, Российская империя вышла в число ведущих мировых держав, у нас были достаточно развиты и промышленность, и сельское хозяйство. Я уже не говорю о науке, литературе, искусстве. Тут мы впереди многих традиционно. А монархию уничтожили большевики и заявили что революция – единственное спасение России. Так, может, и не стоило копы ломать?

– Дело не в монархии. Монархия тоже разная бывает. В конце концов, бывает монархия и коммунистическая. Примеры Мао Цзэдуна в Китае, Ким Ир Сена в Северной Корее и Сталина у нас говорят сами за себя. Ни у одного китайского императора, ни у одного русского царя такой абсолютной власти не было. Я говорю о другом. О том, что на протяжении всей русской истории основой, на которой, зиждилось российское общество, была государственность.

– Суть ее, однако, менялась. Ключевской очень точно подметил это в своей серии лекций об истории Смуты. Вот как он описывал перемены в общественном сознании россиян после первых на Руси выборов царя: «...Стали переверстываться в сознании, приходить в иное соотношение основные стихии государственного порядка: государь, государство и народ. Как прежде из-за государя не замечали государства и народа и скорее могли представить себе государя без народа, чем государство без государя, так теперь опытом убедились, что государство, по крайней мере некоторое время, может быть без государя, но ни государь, ни государство не могут обойтись без народа». Напомню, что Ключевский отмечал и другое важное обстоятельство – понимание всем русским народом после Смуты собирательной роли Московского государства...

– Да, и как только это осознал весь народ, он и осознал себя уже не племенем, а нацией. Ослабление же государственности может повернуть этот исторический процесс вспять. Перед революцией 1917 года в России действовало три основных социальных фактора. Отмирало дворянство как класс отживший. Набирала силу очень еще слабая буржуазия. Но существовал при этом могучий государственно-бюрократический аппарат, который вел свою родословную еще с Киевской Руси и со сборщиков дани для татаро-монгольских ханов. А для бюрократии монарх или, скажем, генеральный секретарь ЦК КПСС – это вариации.

По существу, Сталин, став во главе государства, превратился в императора. В такого же, по сути, каким стал Наполеон во Франции. Всевластным, абсолютным и неограниченным монархом. И если бы он, допустим, захотел установить наследственную должность генерального секретаря, то вряд ли кто стал возражать. Поэтому я скептически отношусь к утверждениям о том, что Октябрьская революция прервала естественный ход русской истории. Она была прямым наследником дореволюционной системы. Даже уничтожив прежние классы собственников, революция не смогла, да и не захотела сломать российскую бюрократическую структуру управления страной. Советский строй был продолжением той системы государственности, которая сложилась в течение многих столетий в России.

Русский народ сформировался как народ государственный. И это шло только на пользу тем народам, которые с ним были вместе. Посмотрите, каким разношерстным был этот союз, на каком различном уровне развития находились входившие в него народы. Чтобы удержать все это в единстве, нужны были мощная армия, мощный бюрократический аппарат. И только они их удерживали. Как показал недавний опыт СССР, достаточно было ослабить систему государственности, как страна стала рассыпаться.

Если же вспомнить Первую мировую войну и последовавшие за ней революции, мы увидим, что происходило то же самое, что с начала перестройки в 1985 г. до 1991 г. Как только в 1918–1920 годах государственность России стала рушиться, страна немедленно распалась на десятки, сотни мини-государств и республик. Потребовались годы, чтобы все вновь собрать воедино.

– *Не предстает ли в вашем изложении Октябрьская революция подтверждением известного французского афоризма: «Все будет так, как было, даже если будет по-другому»?*

– По моей теории, в любом обществе есть два аспекта. То, что я называю «коммунальный аспект», и то, что можно назвать «деловым аспектом». От того, какой аспект доминирует, получается либо общество коммунистического типа – вы тут можете употребить любое другое слово, даже «тоталитарное», – либо общество западного типа. С капитализмом, с рынком и т. д. К обществу первого типа в равной степени можно отнести, как это для вас странно ни прозвучит, одинаково и Советский Союз, и Китайскую империю, и Византийскую империю, и империю инков. Обществ западного типа пока что немного, это почти уникальное явление в масштабах планеты. Народы не выбирают себе сами социальное устройство. Они на это вынуждаются так или иначе, в нашем случае – вынуждаются на государственную организацию общества.

– *Вынуждаются кем или чем?*

– *Условиями жизни.*

– *Значит, по вашему мнению, русский народ пришел к этатизму для того, чтобы выжить?*

– *Да.*

– *И это был сознательный выбор?*

– Сознательным выбор становится, когда эта потребность проявляется и так или иначе привносится в государственную организацию общества.

– *Хорошо. Почему тогда произошла революция? Почему в Гражданской войне большевики все-таки победили? Ведь у них не было опыта государственной организации общества. Русский народ жил в условиях сильного и хорошо организованного монархического государства. Причем царская бюрократическая машина была отлажена блестяще. Почему же в конечном итоге русские пошли в своем большинстве за большевиками, хотя многие из них или, в том числе и совершенно простые крестьяне, за белыми?*

– Большевиков поначалу никто не воспринимал всерьез, и они сами это признавали. Они воспользовались тем, что демократы, свергнувшие монархию в феврале 1917-го, оказались слишком слабыми, не смогли предложить стране приемлемой жизнеспособной организации общества и государства. По сути дела, большевики восстановили прежнее государство, только без помещиков и капиталистов. Их победа в Гражданской войне сразу же обернулась укреплением государства и созданием новой Федерации, а затем уже и Союза нерушимого. И уже Ленина народ воспринимал как нового царя. Это не случайно. Это историческая традиция. Есть социальные законы. И если какая-то социальная система рушится, то на ее месте привыкшая к ней масса людей создает новую систему, но максимально близкую к предыдущей. Это – общий социальный закон.

Вот сейчас на месте так называемой Советской империи возникли новые государства. Что, там создаются государства западного типа? Нет. В ряде мест, особенно в Средней Азии, происходит возврат к феодально-байским обществам, к родовым конструкциям, т. е. к тому, что там было раньше, до Советской власти. Кстати, все эти недемократические формы организации очень близки к коммунистической системе. В некотором роде коммунизм – это продолжение феодализма.

Возьмите Китай, например. Монголию. Китайская империя была феодальной империей, но там не было частной собственности. Все феодалы были служащими государства. А коммунизм – что это такое? Это строй, при котором, говоря упрощенно, все являются служащими государства.

Теперь второй фактор. Социальная система организации масс зависит и от того материала, который организуется. Общество западного типа нельзя создать из любого человеческого материала. Нужен определенный человеческий материал. Такое общество не могли создать ни папуасы, ни африканцы...

– *Ни скифы...*

– Вот-вот. И не латиноамериканцы. Возьмите совокупность народов, населяющих Россию, а их больше ста разных национальностей. У каждого свой характер, своя история. Такие народы могут быть организованы только в рамках такой системы, где господствует государственность. Далее – такие факторы, как огромная территория, трудные климатические условия. Чтобы страна существовала как единое целое, она должна иметь мощную систему централизованного управления. Если отдельные регионы такой страны предоставить самим себе, они быстро самоизолируются, и начнет происходить распад.

И, наконец, о взаимоотношениях с другими странами. Чтобы противостоять претензиям Запада, да теперь и Востока, российское общество должно быть организовано государственным порядком, а не просто на уровне чисто экономическом или на базе демократии западного типа.

– *Вы считаете, что иной системы нам фатально не дано. Когда вы это говорите, вы имеете в виду русский народ или конгломерат народов, составивших еще российскую империю?*

– Прежде всего русский народ, потому что он и образует основу империи. Герцен писал, например, что западноевропейским странам нет надобности в создании такой системы полицейского надзора, поскольку западный человек имеет Третье отделение в своей собственной голове. Действительно, это так. Они правопослушны. Люди, как и любые другие виды живых существ, отличаются друг от друга. И в этом нет никакого расизма или шовинизма. У русского человека в голове – независимо от внешней организации – такого, как у западноевропейца либо гражданина США, полицейского участка нет. Для того чтобы с русскими сохранять в стране порядок, организация должна быть привнесена извне. Иначе начнется хаос...

– *Что это означает, что русский человек – раб, который без палки ничего не станет делать и не способен соблюдать дисциплину, или что он все же более свободен, чем западные люди? Либо он менее ответствен социально? Есть же внутренняя свобода, а есть состояние перманентного бунта против любой власти и любого порядка. Есть, наконец, просто зуд неповиновения, босаякое отношение к власти. А есть и неспособность воспринять социальную организацию, социальную ответственность взять на себя. Так кто мы, русские, по-вашему?*

– Тут все вместе у русских. Это результат нашей истории. Обратите внимание на то, с чего началось русское государство. «Приходите и правьте нами». Все русские племена просто передрались друг с другом. Невозможно было преодолеть эту междоусобицу. Пришлось систему организации привносить извне. Я имею в виду княжескую структуру управ-

ления. Потом на нее наложилась татарская система сбора дани. Организация управления была привнесена извне. И она на Руси не была уничтожена, а осталась. И только благодаря ей славянские племена образовали со временем единую нацию. А посмотрите, что произошло в России после 1985 г.? Организацию, созданную в течение многих десятилетий, а если брать предыдущую историю, то и столетий, причем очень сильную, разрушили. И пошел распад. И если бы этот процесс не остановили вовремя, все опять, как в древние времена, распалось бы до отдельных деревень.

– Допустим, что все это удастся собрать, вернувшись к тоталитарной или в лучшем случае авторитарной власти. Оправдано ли это исторически хотя бы, не говоря уже о человеческом измерении? Хорошо это для русских или плохо?

– Это не плохо и не хорошо. Это просто качество.

– Иначе говоря, вы считаете, что русскому народу нужно бюрократическое управление в рамках полицейского государства?

– Понимаете, если бы дело обстояло так, что русские живут на одной планете, а другие народы – каждый на своей... Но все живут на одной-единственной планете. И все зарятся друг на друга, как бы где урвать кусок. Надо каждому народу учиться себя защищать. А это дает только государственная организация.

– Выходит, любые поиски демократических форм для русского народа бесполезны? Он обречен на то, чтобы вечно блуждать в лабиринте диктатур? Без всякой Ариадновой нити?

– Все критики советского режима и революции почти единогласно утверждали, что был хороший русский народ, но произошла революция и евреи-большевики, используя латышских стрелков, навязали ему новый социальный строй. Они даже не отдают себе отчета в том, что они воспроизводят ту же самую идею: навязали. Действительно, революцию русскому народу преподнесли на блюдечке с голубой каемочкой извне. А теперь что? Опять-таки извне привнесена уже западная демократия. Она не на русской почве, не из русских душ выросла. Но что такое западная демократия и рыночная экономика? Они не враз появлялись, они создавались веками людьми определенного типа. В литературе эти люди хорошо описаны. Это люди холодные, способные на риск, жестокие временами. Люди, лишенные романтики. А для русских людей характерна эта рефлексия – поболтать, поразмышлять вслух. Основной талант русских в том, чтобы болтать о деле и желательно ничего не делать. А западные люди – деловые, целеустремленные. Это складывалось веками.

– Тем не менее, когда надо, русские работать умеют. Не только болтать. Достаточно вспомнить войну, атомные, космические исследования.

– Да. Но это было возможно только в условиях чрезвычайно жесткой организации. Плюс те, кто в оборонной промышленности работал и во время войны с Гитлером, и в годы холодной войны, понимали: речь идет о выживании нации. В СССР можно было приказом учредить, допустим, космическую промышленность. На Западе это невозможно. Рыночную экономику не учредишь. А рыночного механизма в России нет и не было никогда. И он ничего не имеет общего с тем, как его представляют в России. Для многих у нас он ассоциируется с толкучкой, и только. В виде блошиного рынка!

А в демократии увидели только одно – парламент, несколько партий, которые время от времени сменяют друг друга у власти. Но это же примитивное представление о демократии, крайне поверхностное. Реальная демократия – это весьма сложная и изощренная система управления. Смотрите, например, в Италии. Один кризис за другим, а страна живет. Управляется ничуть не хуже, чем другие страны. А в России, где нет такого глубинного аппарата управления, который складывался веками, а есть лишь поверхностная демократия, получается бардак. По сути – безвластие.

* * *

– Скажите, что вы думаете о команде Ельцина. Кто они? Некомпетентные люди либо чиновники, которые в силу исторических обстоятельств вынуждены были пойти на службу тому режиму в России, который вы называете оккупационным?

– Они действительно люди по меньшей мере некомпетентные. Но даже это не самое главное. Ельцин и его команда повели страну к полной капитуляции перед Западом. Пока сопротивление этому слабое. Но оно будет нарастать.

– Но есть ведь и другой взгляд на то, что вы называете «капитуляцией». Мы действительно устали от состояния перманентной войны со всем миром. Сколько можно, в конце концов? В XX веке, как началось с войны с Японией, так практически до войны в Афганистане и шло без перерыва. Кровь, разрушения, похоронки в каждой семье. И вот приходят демократы во главе с Ельциным и говорят: давайте откажемся от коммунизма, и тогда войны сами по себе прекратятся, мы заключим новый альянс с Западом. Вчерашний враг пусть станет другом России. И при этом добавляют, что это будет именно такое союзничество с Россией, к которому здесь, на Западе, якобы всегда стремились, только вот коммунизм мешал.

– Это умышленная ложь. Коммунизм был лишь предлогом. Россия была всегда бельмом на глазу у Запада. И не столько коммунизм стремились уничтожить, когда разваливали Советский Союз. Конечной целью Запада было уничтожение России и ее народа. Это давняя задача Запада – стереть Россию с лица земли, а ее богатства захватить. Нынешнее руководство России всячески Западу в этом помогает, способствуя в том числе и физическому уничтожению русского народа, о чем говорит, например, статистика превышения смертности среди русских над рождаемостью за последние годы. Нехватки, нищета, а затем и просто голод довершат начатое. Да что там говорить, уже чума гуляет по России, холера, туберкулез, инфекционный дифтерит, а теперь и СПИД. Что это, случайность? В конце-то XX века! Ведь такого не допускают сейчас даже в самой отсталой стране мира. А тут – Россия, хотя и не такая, как СССР, но все же ядерная держава. Если дело так и пойдет по этому сценарию господ «демократов» еще несколько лет, даже не десятилетий, то процесс физической гибели русского народа станет необратимым.

История идет сейчас такими темпами и ситуация в мире такова, что России просто не дадут встать на ноги. Идет убийство русского народа в полном смысле этого слова – убийство физическое. И, думаю, в свое время такая перспектива была запланирована соответствующими людьми и организациями. Если процесс этот не повернуть вспять уже сейчас, сегодня, то русский народ вообще может исчезнуть с лица Земли. И воспоминания о нем не останутся. Руководство России сыграло здесь позорнейшую роль.

– Вы имеете в виду только захват власти Ельциным и его «командой» после августа 1991 года либо всех, кто разваливал СССР с 1985 года?

– Ельцин лишь продолжил то, что начал Горбачев. Он создал правительство предателей, правительство «пятой колонны» Запада на территории России.

– Как с Ельциным могло произойти такое перерождение?

– А он пошел на это не сразу. Его к этому подвели обстоятельства и его окружение. Ельцин относится к той породе людей, которые, творя негодяйства, умудряются убедить себя и своих последователей в том, что делают благородное дело. И если уж говорить о терминах, то проанализируйте отношение демократов к предателю Родины генералу Власову. Уж если этого мерзавца нынешний российский режим возвел в ранг героя, как «борца со зверствами сталинизма», то тут уже не надо рассуждать о том, откуда ветер дует.

Теперь о популярности «народного кумира». Я утверждаю, что интеллектуальный уровень как Горбачева и горбачевцев, так и Ельцина с его «ельциноидами» чудовищно примитивен. Это люди, которые делали карьеру в партаппарате и были отъявленными карьеристами. Они не могли выработать научного понимания происходящего в советском обществе и во всем мире.

Мировоззрение карьеристов формируется, мягко говоря, на ненаучной основе. И к тому же они не могли бы выбиться, не будь они посредственностями. Я описал эту систему в «Зияющих высотах». В секретари обкомов обычно попадали люди интеллектуально серые, заурядные, и только при большой натяжке можно было Горбачева, который и по-русски не умел правильно говорить, выдать за интеллектуала. А уж Ельцина... Вот мы и получили во владык обкомовских «интеллектуалов», а в результате – буйство посредственностей. Я уже не говорю о моральных качествах новоиспеченных властителей. Они окружены людьми, которые не дают им полной информации о происходящем. Ими манипулируют. Поставляют им информацию выборочную, препарированную. Да они и сами не хотят знать всю правду. Слишком, видимо, страшно.

– Значит, они живут в выдуманном мире, в своего рода Зазеркалье?

– Я не склонен их идеализировать. Мир их выдуманный. Но это не мир идеалистов. Он создан по закону самооправдания. Иначе им жить было бы невозможно, будь они порядочными людьми. Но можно ли их отнести к такой категории? Если бы Ельцин и его партнеры по сговору в Беловежской пуще отдали себе полный отчет в том, какое великое злодеяние они совершили, пусть даже в ослеплении, то, будучи порядочными людьми, пустили бы себе по пуле в лоб. Но мы, увы, имеем дело с не лучшими представителями советского общества.

– Мне довелось в свое время присутствовать на вашем теледиспуте в Париже с Ельциным в 1990 году, когда по французскому телевидению рекламировали его книгу. По всеобщему мнению, дуэль была неравной. По части интеллекта ваш соперник явно вам уступал. Хотя по апломбу выигрывал.

– Я и тогда был невысокого мнения о Ельцине. И тогда, говоря о его посулах процветания России, в случае если он в ней придет к власти, я открыто сказал, что это все – демагогия, что его обещания нереальны, а, став президентом, он будет действовать, не исходя из популистских лозунгов, а по законам власти. Так оно и случилось.

– Но ведь все же пошел за ним русский народ. Наваждение какое-то...

– Я не стал бы утверждать, что русский народ пошел за Ельциным. Он ни за кем не пошел. И не идет. Он сейчас в состоянии некоего смятения умов и брожения. И, увы, разложения. Тут о движении вперед говорить не приходится. Движение скорее броуновское. Другое дело – реакция народа на антикоммунизм сначала Горбачева, а потом Ельцина. Вот тут у него не оказалось идеологического иммунитета. И это одна из важнейших причин нынешней катастрофы в России.

– Чем вы это объясняете? Ведь мы все вроде бы так старались. Сами себя убедили, что коммунистическая убежденность – это и есть тот цемент, что спаял «новое историческое единство советский народ». И куда все подевалось?

– Именно потому, что вдалбливали эту «убежденность», она и не привилась. И еще важно понять, что вдалбливали идеологию слишком высокого интеллектуального уровня. Она была неадекватна массовому сознанию. Несмотря на все вульгаризации марксизма, народ не мог его воспринять. Большинство его просто не понимало. Меньшинство делало вид, что понимает.

В официальной пропаганде улавливали лишь нечто утилитарное, практически применимое на бытовом уровне. Остальное отторгалось на уровне массового сознания. Но так как вакуума не бывает, то в образовавшихся в результате подобного отторжения пустотах

стала формироваться так называемая «практическая идеология». А в ней находилось оправдание и карьеризму, и взяточничеству, и прямому воровству. А теперь и предательству, русскому вишизму. Именно эта идеология и стала в ельцинской России государственной.

В целом западная, буржуазная идеология в практическом, бытовом применении оказалась гораздо мощнее коммунистической. Уже потому, что она примитивна до ужаса и рассчитана на самые низкие инстинкты, на потребительство. Она имела колоссальный успех в СССР. В том числе и потому, что запрещалась. Постепенно посеянные семена взошли.

– Не будем, однако, все сводить к «тлетворному влиянию Запада». Не только повидав западные витрины или фильмы с ними, советские люди стали задавать вопрос: «А чем мы хуже, чем они?» Они жили в нищете, по западным стандартам. И, только столкнувшись с этими стандартами, поняли, что это унижительно, в конце концов, и ваш собственный опыт показывает, что против коммунистической формы организации жизни, общества люди так или иначе восставали. И вы в том числе.

– Я? Нет!

– Но ведь вы же объективно не воспринимали той системы развития, по которой шла страна после Октябрьской революции. Восставали против несоответствия провозглашенных идеалов и реальной практики коммунизма. Вы мне как-то рассказывали о вашем школьном заговоре против Сталина. Вы замахнулись на этого коммунистического монарха или бога, как вы сами говорили, в первую очередь потому, что вы жили в нищете. А в то время уже появилась совбуржуазия, которая жила куда как лучше, чем советские «пролы».

– И все же благодаря Советской власти я получил прекрасное образование. Мы бросили нудную жизнь в деревне и перебрались в город. Я стал профессором. Мой брат стал полковником. Другой брат – директором банка. Это все не так-то просто...

– В этом-то все и дело, что все не просто, неоднозначно. С одной стороны, вы были нищими, а с другой – интеллектуалами, читавшими Шпенглера, Кропоткина и Томаса Мора. С одной стороны, люди жили в землянках и во виах, а с другой – могли теоретически посетить Большой театр во время общеколхозного культпохода в Москву. Но культпоход, согласитесь, – это еще только культурная революция, а не культура.

– Это был переходный период. Потом вши и землянки исчезли...

– Я не думаю, что все преступления большевиков когда-либо исчезнут из памяти народной. Народ не будет классифицировать коммунизм по периодам, а коммунистов по номенклатуре, по рядовым и сознательным. Для него все эти жертвы – дело рук коммунистов. А число жертв было неоправданно огромным даже для гражданской войны. Пусть не миллионы, как у Солженицына подсчитано, но сотни тысяч человек, причем далеко не самых худших по знаниям и интеллекту, уж точно расстреляли. Эти цифры не отрицает даже статистика КГБ. А вспомните «раскулачивание» десятков тысяч крестьянских хозяйств, которые действительно кормили Россию, были основой нашей народной жизни. Их вырубili под корень. Причем никто так и не объяснил, зачем это сделали.

– У коммунизма краткая, можно сказать пока одноактная история. Всего семьдесят с небольшим лет прошло. Для истории – это миг. Коммунистическая система еще просто не имела возможности укрепиться и показать свои преимущества. Хотя и то, что сделано, грандиозно. За кратчайший срок были ликвидированы нищета, безграмотность...

– Нищета не была ликвидирована. Она, увы, продолжала существовать. Даже в Москве, не говоря уже о деревнях, вообще о провинции.

– Был восстановительный период. Была война. И если вы хотите говорить о результатах революции, возьмите период Хрущева, первые годы брежневского периода, когда еще не начался кризис. Вот вам результат. А не то, что на другой день после революции.

– В чем-то ваша позиция совпадает с платформой КППФ...

– Я мало связываю надежд с компартией России. И не только потому, что я не сторонник Маркса. На мой взгляд, нельзя сейчас в его теории и догмы втискивать российскую, да и любую другую реальность. Учение, созданное Марксом, Энгельсом, Лениным и Сталиным, сегодня для руководства к действию и анализа действительности не годится. Нужна новая идеология. Соответствующая историческому опыту советского народа, в первую очередь тем реалиям, которые характерны для периода Советской власти, начиная с октября 1917-го. Эта идеология должна быть понятной рядовому гражданину, трудящемуся.

И есть еще одна причина моего скептицизма по поводу компартии. В ней многие все еще не могут отказаться от перестроечных мифов, цепляются за них, не понимая, что они-то и тянут их ко дну. Вот тот же Лигачев, например, заявляет, что он был одним из инициаторов перестройки. Так за это судить надо. Этим нельзя гордиться. Перестройка – это тяжелейшее преступление против советского, в первую очередь русского народа и всей России.

– *Каким же вам видится будущее России?*

– Только социалистическим. Несмотря на то, что меня обвиняют – и облыжно – в том, что я зову обратно к ГУЛАГу, к сталинским репрессиям и «застоем», я как раз против возвращения к старому. Я за социализм, отвечающий тому историческому опыту, через который прошла наша страна. Как там теперь не истолковывают историю заново, революция 1917 года была воистину Великой. И советский период в жизни России был – на сегодня, по крайней мере, – верхом ее величия.

– *Вы считаете, что русский народ этого хочет?*

– Не нужно обожествлять народ и приписывать ему какие-то мессианские качества. Народ хочет вести более или менее обеспеченную жизнь, избегать всякой ответственности и риска, чувствовать, что кто-то о нем заботится, что кто-то ему даст что-то в подарок, причем принесет на блюдечке с голубой каемочкой и решит все его проблемы. Для нашего народа, увы, нехарактерны те формы инициативной организации общества, которые есть на Западе.

– *Иначе говоря, отсутствие гражданского общества в России практически на протяжении всей ее истории не дало возможности народу научиться социальной, политической, гражданской, наконец, самостоятельности. Так?*

– Некому его было учить и, наверное, не нужно было учить. Это должно вырваться из самого народа.

– *Но разве свобода практической деятельности, того же предпринимательства не помогла Западу обогнать коммунизм практически по всем параметрам, в первую очередь в том, что касается информатики, компьютеризации общества и т. д. Россия фактически не сможет теперь Запад догнать. Поезд ушел.*

– Дорогой Владимир, это лишь одна сторона дела и абстракция. Нужно брать всю совокупность факторов, а говорить о том, что у них хорошо, а у нас худо, и наоборот – просто бессмысленно. Разные условия порождают разные системы. Запад совершил рывок не столько благодаря демократии и гражданской активности своих граждан, сколько благодаря тому, что он занял господствующее положение на всей планете. Вот в чем все дело. И поставил себе на службу всю планету. Существовала Британская империя. Существовала Французская империя. Даже Бельгия с Голландией грабили весь мир. Испания и Португалия веками только на этом и жили. Вот эта группа народов и совершила еще тогда колоссальный рывок за счет ограбления всех народов планеты. Да и сейчас этот грабеж продолжается. Нельзя абстрактно так брать – советское общество, западное. Надо брать соотношение: Запад и Россия. И считать. Только по числу людей Запад во сколько раз превосходил Россию? Раз в пять. Но даже это не главное преимущество. Возьмите историческое развитие – у Запада за плечами несколько тысячелетий цивилизации, а Киевская Русь появляется на арене истории только тысячу лет назад. Исторически совсем недавно. И этот комплекс

стран Запада к тому же захватил наиболее удобные и климатически благоприятные места на планете для развития во всех отношениях. А что досталось России? Полстраны – это вечная мерзлота!

Теперь насчет свободы. Конечно, свобода предпринимательства сыграла свою роль. Это одно из условий развития западного общества. Но ведь эта свобода предпринимательства опиралась на мощную систему государственности, ее защищавшую и поддерживавшую. Западные державы к тому же, несмотря на всю вражду между собой, к господству над планетой пробивались вместе. Какой был тут заложен интеллектуальный потенциал!

Возьмите само население России. Только к концу своего существования СССР подошел к рубежу 300-миллионного населения? А сколько там было к началу века? Миллионов сто. И посмотрим на состав. Эскимосы, калмыки, якуты. Это народы совершенно иного интеллектуального типа, традиционно невосприимчивые к предпринимательству западного толка. А если подсчитать, сколько людей способно усвоить и поддерживать на практике западную цивилизацию на территории России, то мы увидим, что их процент ничтожен в населении нашей страны. Все подражание Западу у нас всегда шло как заимствование, а не как результат внутреннего развития. Не тянем мы по-западному.

– *На что же тогда, по-вашему, русский народ обречен?*

– Я сказал и могу повторить. Или он восстанавливает ту систему, которая существовала до 1985 года, как самую оптимальную для нашего народа, для всех условий его существования. Или он распадется на мелкие группы и станет колонией Запада. Здесь будет Эфиопия. А то и того хуже. Будет реализована программа Гитлера. Русский народ превратится в заштатную нацию и в конце концов сойдет с исторической арены вообще либо вымрет.

– *Иного не дано?*

– Нет. Либо – либо. Это, как в природе, животные пустыни не способны конкурировать с теми, кто живет в джунглях. Они могут конкурировать с ними, только оставаясь в пустыне. Так и у людей. У нас в России – социальная пустыня. Запад – это социальные джунгли. И сейчас перевес сил колоссальный. Запад не позволит России возродиться. По крайней мере, приложит для этого все усилия. И уж ни в коем случае не позволит ей подняться до своего уровня.

– *Вы считаете, что русский народ, чтобы самосохраниться, неизбежно должен жить в условиях жесткой государственной централизации. Иначе ему ничего не дано в исторической перспективе. Или вы все же видите какую-то возможность соединения в будущем варианта гражданского общества с посткоммунистическим и в результате демократизацию нашего национального сознания?*

– История коммунизма слишком коротка. Мы не успели очухаться, как снова остались у разбитого корыта. Так далеко я заглядывать не могу. Если система, грубо говоря, брежневского типа получит возможности развития, то она неизбежно демократизируется. Ведь переход от сталинизма к брежневизму был уже колоссальным прогрессом, движением вперед в эволюции той же самой системы. Но эволюция таких больших систем предполагает время. Время историческое. Развитие – это эволюция, на это уходят столетия, тут декретами ничего не сделаешь.

Я написал в свое время «Манифест социальной оппозиции», в котором выдвинул идею о том, что гражданское общество в России еще должно сложиться. Я вижу развитие не в том, чтобы поломать эту систему и перейти к капитализму. Еще Руссо писал: не торопитесь сломать старый дом, прежде чем не постройте новый. Разумеется, то, как мы жили, не устраивало людей. Но от того, что они решили «давайте жить лучше!», они же сразу лучше жить не начнут. Опыт показал, что им предстоит вновь карабкаться на тот уровень, с которого они скатились. Я считаю, что прогресс на основе этой системы в России, на основе завоеваний советского периода истории возможен. Но для этого нужно время. Я вижу только

такой путь: создание гражданского общества, которое должно было сложиться постепенно. Оно уже начинало складываться при Брежневе. Но при Горбачеве и Ельцине оно, увы, сыграло негативную роль в России. В условиях гражданской войны на него наложились разного рода негативные факторы, которые все вывернули наизнанку. В принципе, если бы развитие шло нормально, бесконфликтно, мирно, то это гражданское общество стало бы базой демократизации и прогресса экономического. А тут оно сыграло разрушительную роль.

– *Выходит, поторопились?*

– Увы... На последнем этапе развития советского общества уже стала возможна борьба различных социальных сил. Вырисовывался путь нормального развития в рамках коммунистической системы. Эту возможность пресекли. Стратегии холодной войны, которые понимали, к чему это ведет, увидели возможности такого развития довольно четко. И это их испугало. Ведь одной из главных задач холодной войны было не допустить, чтобы коммунистическая система стала заразительным примером. В том, что произошло, решающую роль сыграло внешнее вмешательство. Эта система была разгромлена извне, а не изнутри.

– *Изнутри она, однако, изрядно прогнила.*

– И все же изнутри, учтите, Владимир, никакие системы не погибают. Они ослабевают изнутри. Но погибают всегда под внешним воздействием. Все империи – Римская, Византийская, Османская и другие – были разрушены извне. Это очень существенно...

* * *

– *Вернемся к проблеме исторического выбора, Александр Александрович. Так или иначе, прежняя модель отвергнута. Возможно, новая будет только ее копией, а возможно, усовершенствованным вариантом. Лучше второе, конечно. Но, разрабатывая эту модель, необходимо учесть ошибки первой и каким-то образом совместить государственность со свободой. То есть добиться того, что коммунизму решительно не хватало. Иначе для общества, почувствовавшего, что же такое свобода действий, новая модель не подойдет.*

– Да. Это очень важный вопрос, хотя я считаю, что абсолютной свободы не существует. Есть определенный тип свободы. В западном обществе свободы одного типа преобладают, в советском обществе – другого. Я различаю свободы политические и юридические. В этом смысле западный человек свободен. И есть свободы социальные. Граждане коммунистических стран были более свободны социально, не будучи свободны в юридическом и политическом планах. Это вопрос довольно тонкий.

Что такое социальные свободы в отличие от формально-юридических свобод? Вот сейчас русским гражданам объявили, что они могут лететь хоть в Южную Африку. Но насколько социально реальна эта свобода? У какого процента населения найдутся несколько тысяч долларов на такой билет и на оплату гостиницы, не говоря уже о питании? А если денег таких нет? Где же тогда свобода передвижения? Формально западный человек имеет право выбирать любую профессию, любое место работы, а практически?

– *Ну, это есть у Маркса и Энгельса. Они писал еще в «Святом семействе», что без экономической свободы нет политической. И это, считал Маркс, – то же самое рабство. Но рабство все же без ошейника.*

– Я говорю шире – без социальной свободы обесцениваются все другие. Нельзя сказать, что граждане коммунистического общества вообще не были свободны. Они имели свои формы свободы. Я в советском обществе ощущал себя гораздо более свободным человеком, чем на Западе. На Западе я себя вообще не чувствую свободным. Я здесь раб. Я вынужден делать то, что реально возможно, а вовсе не то, что я хочу делать. У нас в Советской Рос-

сии были какие-то гарантии. Отпуск, работа, медобслуживание. Я не говорю там о качестве. Но это все же создавало какие-то гарантии свободы.

– *Даже, как это ни странно, духовной. Это было удивительно! Лучшие стихи, песни, книги, ваши «Зияющие высоты», например, были созданы в условиях политической несвободы, авторитарного режима. А объявили свободу и... пиик. Искусство принялось тихо помирать, но зато расцвели эротические театры, пошла эстрада, мразное телевидение, игорные дома и бордели. Действительно, настоящая духовность рождается только в борьбе за свободу. Но что потом, когда свобода обретена?*

– Да это перспектива далекая. Настоящей свободы нигде нет. И граждане Запада далеко не свободны. Чтобы свободу, гарантированную конституцией, здесь использовать, нужно иметь не только гарантированный доход, но и определенные накопления. И даже с этим надо уметь еще распорядиться своей свободой. На Западе огромное количество богатых людей, но если посмотреть, как они проводят свободное время, то можно увидеть, что они такие же рабы обстоятельств, как и те, кто не имеет их финансовых возможностей. На меня набрасывались в свое время, когда я говорил, что есть свобода и при коммунизме. Никто не хотел слушать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.